

УДК 94(470)

Е.В. Скрипкина

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОМ И ЗАПАДНОМ ВЛИЯНИИ В РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ)

Рассмотрена одна из актуальных проблем времени царствования Алексея Михайловича – синтез восточного (греческого) и западного (римско-католического) влияния на русское общество. Ориентация на греческое православие была для России вполне традиционной и исторически обоснованной. Главным проводником греческого (византийского) влияния была церковь. Восточное влияние направлялось к религиозно-нравственным целям и захватывало все общество. Проводником западного влияния выступало государство. Западное влияние захватывало человека в целом.

Ключевые слова: Россия, XVII век, международные отношения.

XVII в. в русской истории большинством исследователей позиционируется как переходный период, когда ряд процессов государственного развития приходят к своему логическому завершению, а в их недрах вырастают и укрепляются новые тенденции, подготовившие эволюционные процессы XVIII в. Правление царя Алексея Михайловича ознаменовалось преобразованиями общественно-политической и духовной жизни российского государства. Одной из актуальных проблем данного периода является синтез восточного (греческого) и западного (римско-католического) влияния на русское общество. По выражению Г. Флоровского, историческая ткань русской жизни становится в это время как-то особенно запутанной и пестрой [1. С. 58].

С одной стороны, тесные контакты русского правительства с греческим миром в политической, церковной и культурной областях сыграли ведущую роль в формировании идеологии Московского царства середины XVII в. [2. С. 179]. С другой стороны явления, связанные с западным влиянием, привносили на русскую почву элементы новых, незнакомых ранее реалий. Они имели внушительный преобразовательный потенциал и тем самым серьезно влияли на развитие русского общества и государства [3. С. 6–47].

Одной из существенных особенностей времени правления Алексея Михайловича, отражавшей мировосприятие русского человека середины XVII в., стала идея преобладания «традиции» над «новацией». При этом здесь речь идет не об отказе от новшеств или консервации всех сфер государственной и общественной жизни, а предполагается такой путь внедрения нового, при котором новшество не объявляется таковым, но трактуется как следование существовавшему когда-то правилу, как «хорошо забытое старое». Такой взгляд на порядок вещей приводил к выявлению, установле-

нию и закреплению различного рода связей, преобладанию идеи преемственности [4. С. 42]. Происходит своеобразное замыкание круга духовных связей России («Москвы – Третьего Рима») с Западом («Старым Римом») и Востоком (Константинополем – «Вторым Римом»).

Диалог России с восточной и западной традициями связан, прежде всего, с ее геокультурным положением между Востоком и Западом. Русский философ Н.А. Бердяев в своей работе «Философия свободы» писал, что Россия не может определить себя как Восток и противопоставить себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, и Востоком-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем [5. С. 288].

По словам В.О. Ключевского, влияние наступает тогда, когда общество, его воспринимающее, начинает признавать превосходство среды или культуры, влияющей на необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения [6. С. 241].

Известно, что греческо-русские связи в XVII в. становятся оживленными, а в период правления Алексея Михайловича достигают своего апогея. Принятие христианства в форме православия, а позднее патриаршества от греков предопределило культурную ориентацию на Византию.

В Москву приезжало греческое духовенство, русские иерархи обращались к грекам за разъяснениями канонических вопросов, в перечне изданий Московского печатного двора важное место заняли сочинения отцов церкви. В правление Алексея Михайловича возникла и развивалась политическая теория, основанная на единении русской и греческой церковью. Она была скреплена почитанием общих христианских святынь, признанием освободительной миссии русского госу-

даря и его прав на политическое наследие Константина Великого [2. С. 196–198]. С православного Востока стали привозить христианские святыни. Сам Алексей Михайлович был воспитан в грекофильских традициях, любил «греческое», и эта любовь сочеталась с природным вкусом к благочинию, к мерности внутренней и внешней. Обращение к грекам не было ни случайным, ни внезапным... [1. С. 61]. Считая себя преемником византийских императоров, Алексей Михайлович старался копировать их в своих делах и был убежден в своем призвании царя всего православия, а образ Константина Великого стал для второго Романова парадигмой царской власти [2. С. 194]. Подобную мысль внушали Алексею Михайловичу и активно приезжавшие в Москву восточные иерархи.

Представления о преемственности царской власти в России стали той благодатной почвой, на которой в правление Алексея Михайловича взошли ростки нового политического курса русского государства. Идея православного царя-освободителя, которую внушали, среди прочих, и греческие иерархи, оказалась воспринятой и верхушкой российского общества. Основные положения ее были опубликованы в дополнительных статьях к Кормчей книге, вышедшей в свет в июле 1653 г. В эти статьи вошли Уложенная грамота об учреждении патриаршества, а также грамота патриарха Феофана на поставление Филарета Никитича [7. С. 139–140].

Одним из значительных событий времени правления Алексея Михайловича стала церковная реформа, проводимая с целью унификации русской и греческой богослужебной практики. Русская православная церковь, родная сестра восточных церквей, не имела единообразного богослужебного чина и в этом отличалась от них, на что указывали патриарху Никону и его предшественникам восточные иерархи. В качестве образца для исправления были выбраны греческие чины [8. С. 129–130]. При этом, по замечанию Г. Флоровского, не делалось различия между «греческим» прошлым и настоящим [1. С. 61].

Хорошо известно, что греки сыграли большую роль в решении вопроса о судьбе патриарха Никона. При поддержке восточных патриархов Алексей Михайлович сумел нарушить хрупкое равновесие и сместить акценты в сторону усиления монаршей власти.

Одним из дискуссионных вопросов рассматриваемого времени был вопрос о путях развития образования и просвещения, в котором определились два направления – так называемого «еллино-греческого» и «латинского» [9. С. 160]. С православной точки зрения греческая образованность,

разумеется, казалась православным христианам гораздо более подходящей, чем латинская. Восточные патриархи и духовенство не раз советовали московскому правительству завести училища, в которых можно было учить русских детей «эллинской грамоте» и даже философии и богословию на греческом языке и на русском [10. С. 122]. Но, как отмечает Л.Н. Пушкарев, русскую элиту второй половины XVII в. не вполне устраивала узкая ограниченность преимущественно греческого образования. Помимо детального изучения богословской литературы, творений отцов греко-восточной церкви, необходимо знать «диалектику», риторику, пиитику, которые старались привить на древо российского образования. Была поставлена цель – воспитать и образовать не только служителей церкви, но и государства [9. С. 161].

Как отмечают современные исследователи, во второй половине XVII в. ориентация на западно-европейский опыт, прежде всего на опыт рационалистического мышления, привнесение в русскую жизнь элементов светской культуры и образования было новацией. В представлении сторонников этого направления, традиционная русская религиозно-философская мысль, замкнувшаяся в узких национальных рамках, уже исчерпала себя в решении не только богословских, но и важнейших мировоззренческих вопросов. Поэтому требовался новый, рационально-критический взгляд на Священное Писание, на историю, на вероучительные проблемы, на судьбу самого Российского государства. Бурное развитие научно-рационалистического мировоззрения на Западе подсказывало новые ориентиры и для России [11. С. 356–357]. По замечанию А.Н. Боханова, наступила грань принципиального разлома между традицией и новацией, между преемственностью и отрицанием, возможностью и невозможностью синтезировать западную и восточную традицию [12. С. 21].

Западное влияние, в отличие от восточного, проводилось государством и призвано было первоначально для удовлетворения его материальных потребностей, захватывало всего человека, не захватывая всего общества [6. С. 243–244]. Но русский человек XVII в., в отличие от западного, был во многом совсем другим, являлся человеком иной эпохи и иной системы личных и общественных приоритетов [12. С. 18–23].

После присоединения Малороссии к Московскому государству можно было считать вероятным перевес средневековой католической науки, пробившей себе путь в Россию через Польшу и Малороссию [13. С. 599–601]. В.О. Ключевский писал: «Между старой Московской Русью и Западной Ев-

ропой лежала страна славянская, но католическая Польша. Эта Польша и была первой передатчицей духовного влияния Западной Европы на Русь... Западнорусский православный монах, выученный в школе латинской или в русской, устроенной по ее образцу, и был первым проводником западной науки, призванным в Москву» [6. С. 258–259].

Приглашение малороссийской учености в Москву, по выражению Г. Флоровского, есть несомненное и значительное событие. Это первая и открытая встреча с Западом. Можно было бы сказать – свободная встреча, если бы она не окончилась не только пленом, но именно сдачей в плен. И потому эта встреча не могла быть творчески использована. Сложилась школьная традиция, возникла школа, но не создано духовного и творческого движения. Сложилась подражательная и провинциальная схоластика, именно «школьное богословие». Это обозначило некую новую ступень религиозно-культурного сознания. Но в то же время богословие было сорвано с его живых корней. Возникло болезненное и опасное раздвоение между опытом и мыслью. Кругозор киевских эрудитов был достаточно широк, связь с Европой была очень оживленной, и до Киева доходили вести о новых движениях и искажениях на Западе. И, однако, была некая обреченность во всем этом движении. Это была псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли [1. С. 56].

Западное влияние, приходившее в Россию в XVII в. по большей части в форме культуры барокко, не только успешно вступало во взаимодействие с традиционной русской культурой, но и служило серьезным фактором ее трансформации, перехода в новую стадию развития. Главное отличие средневековой традиционной от «новой» / «иной» / «чужой» культуры является отношение их к религиозным нормам и ценностям – в этом смысле большое значение имеет светский характер «новой» культуры, ее ориентация на разрыв с религиозным мышлением, накопление практических знаний, изменение отношения к жизни и человеку. Характерной чертой новых тенденций в русской культуре является ее «открытость» как противоположность средневековой замкнутости, что создавало потребность в широких культурных контактах России с Западом, которые были всеобъемлющими и касались многих сторон русской культуры [3. С. 10].

Отношение к латинскому (католическому) Западу и православному Востоку в московском государстве в третьей четверти было довольно противоречивым. Наблюдается воздействие «нового» / «иного» / «чужого» на консервативное сознание русского человека, настроенного на традицию и старину. Консерватизм московского варварства получал религиозную окраску и религиозное освящение; во имя своей веры средний русский человек ополчился против культуры во всех ее видах [14. С. 88–89].

Таким образом, во встрече восточного (греческого) и западного (римско-католического) влияний определяющим фактором являлась, с одной стороны, идейная общность с ценностями греческой (византийской) духовной, культурной и политической традиций, а, с другой стороны, ориентир на ценности западной культуры, в польском варианте, породив в итоге два направления умственной жизни русского общества, четко обозначившихся к концу XVII в. – «грекофилов» и «латинян».

ЛИТЕРАТУРА

1. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
2. Чеснокова Н.П. Идея византийского наследия в России середины XVII в. // Пятые чтения памяти профессора Н.Ф. Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний. М., 2007.
3. Диянов К.С., Скрипкина Е.В., Сорокин Ю.А. Украинское и белорусское влияние в России в царствование Алексея Михайловича: Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.П. Толочко. Омск, 2010. Вып. 4.
4. Таллина Г.В. Самодержавное царство первых Романовых. М., 2004.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. Харьков, 2002.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III // Ключевский В.О. Сочинения. М., 1988. Т. 3.
7. Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003.
8. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1988.
9. Пушкин Л.Н. Общественно-политическая мысль России (вторая половина XVII в.). М., 1982.
10. Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990.
11. Перевезенцев С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М., 2001.
12. Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002.
13. Брикнер А. Юрий Крижанич // Русский вестник. Июнь. 1887.
14. Нечаев В. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века // Три века. М., 1991. Т. II.